

Фото: архив Национального балета

Элита Эркина: самое прекрасное в искусстве — это личность

Она пришла в балет
в девять лет, и с тех пор
вся ее жизнь связана с этой,
по меткому выражению
Фаины Раневской,
«каторгой в цветах».

Тамара УНАНОВА

Выпускница Рижского хореографического училища, одноклассница Александра Годунова и Михаила Барышникова, солистка ансамбля Игора Моисеева «Молодой балет», в 1971 году Элита Эркина приехала в Таллинн. Здесь она стала артисткой балета театра «Эстония», совмещая это с преподаванием в Таллиннской балетной школе.

Центрели балета старшего поколения наверняка помнят ее Жизель и Иоанну Тентату из одноименного балета Май Мурдама, Сильфиду и Юлию из балета Игора Чернышева «Ромео и Юлия», Еву из «Сотворения мира» Натальи Касаткиной и Владимира Васильева. Хлою из «Дафниса и Хлои» в постановке Мурдама... А еще удивительный по красоте и драматической выразительности дуэт с Игитом Хармом, поставленный ленинградским хореографом Игорем Чернышевым на музыку «Аджико» Альбинони — к счастью, он доступен для просмотра в Интернете и не заставшим его в живом исполнении поклонникам балета.

За исключением пяти лет, проведенных в Чехии, в Усть-на-Лябе, где в начале 1990-х Элита Эркина работала репетитором, на протяжении более сорока лет она, коренная рижанка, творческики и личными узлами связана с Эстонией — здесь ее дом, здесь вместе с мужем Виктором Федорченко она работает педагогом-репетитором Национального балета.

На взгляд непосвященного роль педагога-репетитора в труппе невелика и практически незаметна: репетитор, как правило, не выходит на поклонны после спектакля, ему не рукоплещет публика, и только профессионал знает, сколь трудна и ответственна эта работа. Класся, репетиция, работа по созданию художественного образа, умение увидеть в артисте присущую только ему индивидуальность и раскрыть его потенциал. Одного надо похвалить, другого приободрить, вселив уверенность в своих силах.

Необходимо быть не только профессионалом, но и дипломатом, и тонким психологом. Впрочем, Элита не любит рассказывать ни о трудностях своей профессии, ни об успехах... Она на редкость скромна и по-балтийски сдержанна. По-

Справка «ДД»:

Элита Эркина

- Родилась 29 июля 1949 года в Риге.
- В 1967 году окончила Рижское хореографическое училище, будучи учащейся, в 1966–67 гг. была артисткой балета Рижского оперного театра. В 1967/1971 гг. работала в Государственном хореографическом концертном ансамбле Игора Моисеева «Молодой балет». С 1971 года — артистка, а затем солистка балета театра «Эстония». В 1972–2012 гг. — педагог Таллиннской балетной школы.
- В 1995–2007 гг. работала хореографом в Русском театре.
- Ныне — педагог-репетитор Национального балета Эстонии.
- Заслуженная артистка ЭССР (1976).
- Замужем за Виктором Федорченко, дочь Юна Федорченко.

разно эмоциональнее и красноречивее ее пластика, ее замечания и реплики на уроке в классе или репетиционном зале, когда она требует от своих подопечных точности, осмысленности, выразительности каждого па и жеста...

А после спектакля — разбор полетов

— Как проходит ваш обычный рабочий день?

— Два-три раза в неделю я, как и остальные педагоги-репетиторы, веду класс, который начинается в пол-одиннадцатого. Потом — репетиция, и они обычно продолжают до полшестого. Если в этот день спектакль, то уходим раньше: ведь мы обязаны посмотреть каждый спектакль, в создании которого принимали участие,

и затем делать совместно с артистами работу над ошибками.

— Сколько, если можно так выразиться, под вашей опекой балерин?

— Точно сказать не берусь, все зависит от конкретной ситуации. Я работала и с кордебалетом, и с корифейками, и с ведущими солистками — я не выбираю, всем творческим процессом руководит Тоомас Эдур. Когда идет работа над новым балетом, мы репетиторы, присутствуем на постановочной репетиции, которую ведет балетмейстер или его ассистенты, и внимательно следим за всеми указаниями, запоминая, учим и следим за тем, чтобы труппа могла исполнить все задуманное хореографом. Мы — в хорошем смысле — рабы хореографа, мы работаем исключительно в заданных рамках, но так как двух одинаковых балерин не бывает, то и каждый исполнитель вносит что-то свое, а мы помогаем ему создать свой образ на сцене.

— Есть ли у вас как репетитора проработав в профессии?

— Конечно, мы ведь все заняты общим делом. Иногда интересуются, как, на мой взгляд, было бы лучше исполнить то или иное движение. У нас на репетициях царит дружеская атмосфера, и все же по-прежнему остается за художественным руководителем.

— За последние годы наша труппа заметно обновилась и стала интернациональной, пополнившись воспитанниками из хореографических школ разных стран. Не создает ли это дополнительные сложности, ведь очень важно, чтобы у труппы был единый стиль?

— Безусловно, стало сложнее, чем раньше, когда в театр брали в основном выпускников Таллиннской балетной школы, которые были знакомы с нашим репертуаром. Конечно, классическая основа у всех одна, но определенные нюансы и особенности есть у каждого из новых печенных танцовщиков. Для меня главное — чтобы это был профессионал. И хотя мне, возможно, в чем-то сложнее работать с ребятами и девушками из других стран, но должна отметить, что дисциплина, чувство ответственности и отдача в работе у них больше, чем у наших.

Вообще я не люблю делить людей по национальности, у каждого свой характер, темперамент, свои плюсы и минусы. Я считаю, что самое прекрасное в любом виде искусства, в том числе хореографическом — это личность. Индивидуальность артиста, то, что именно его отличает от другого исполнителя. Выявить это личностное начало в артисте, подчеркнуть его индивидуальность и помочь ему или ей максимально раскрыться — главная задача педагога-репетитора.

— Сколько балерин вы вырастили под своим крылом, тех, кого ведете на протяжении многих лет?

— Никогда не считала, но я со многими работала: с Эве Андре и Луаной Георт, которые и сейчас танцуют ведущие партии, Марикой Муисте, Хейди Копти. Когда-то я готовила какие-то роли и с Кайе Кярб, Маринной Чирковой, Володей Архангельским, Галиной Лауп, Ольгой Рябиковой, которые уже оставили сцену. Некоторые из них — мои ученицы по школе.

— Вы ведь совсем молодой пришли преподавать в Таллиннскую балетную школу?

— Да, мне было 23 года, я только что приехала из Москвы, где работала в ансамбле «Молодой балет». Там были замечательные педагоги, которые нам, младшим выпускникам хореографических училищ, очень много дали в профессиональном плане. И когда я, молодая, горячая, вся переполненная полученными знаниями, пришла в Таллинн и начала работать в театре, мне очень хотелось поделиться свежими знаниями с другими. Наверно, я была довольна наглда (смеется), потому что сама пришла на Тоомпуу-естеэ в школу и попросила, нельзя ли мне дать какой-нибудь класс. Мне сказали: «Пожалуйста!» Вот так и начались мои педагогические увлечения.

Дорогие одноклассники Саша и Миша

— Элита, вы ведь окончили Рижское хореографическое училище, давнее миру таких великих танцовщиков, как Михаил Барышников и Александр Годунов...

— Это мой одноклассник. Миша, правда, в нашей школе учились только четыре года, потом Александр Пушкин, один из лучших педагогов Ленинградского хореографического училища (ныне Акаде-

В «Жизели» с Тийтом Хармом, 1975

«Сотворение мира», 1976

Мии имени Вагановой), взял его в свой класс. Миша с детства был необыкновенно талантливым, трудолюбивый и целеустремленный, у меня остались очень хорошие воспоминания, я высоко ценю его искусство, это любимый танцовщик моего мужа Виктора Федорченко, поэтому у нас дома есть все записи его выступлений, за исключением последних.

Раньше мы встречались с ним на концертах, даже заходили в гости, когда я была в Москве, но между нами не было той дружбы, которая бы позволила теперь, когда Барышников стал звездой, всем рассказывать, мол, вот мы с Барышниковым... А с Сашей Годуновым мы были очень дружны, проручились от начала до конца в Риге, потом вместе уехали в Москву, работали в «Молодом балете».

— К сожалению, Александра Годунова теперь вспоминают лишь в связи с Дагатами, а ведь это был фантастически красивый, идеально сложенный романтический танцовщик, любимый партнер Майи Плисецкой... И такая трагическая судьба, загадочная смерть в 45 лет в Лос-Анджелесе...

— Я думаю, что ему не нужно было уезжать в Америку. Саша, в отличие от Миши, не обладал той силой характера, жесткостью и целеустремленностью, качествами, которые необходимы для жизни за границей. Он был исконно русский: бесшабашный, не терпящий строгой дисциплины, действующий на эмоциях, очень ранимый... Мы с ним в школе часто спорили, у него был далеко не идеальный характер, но речь не об этом. Я его хорошо знала, и в моих воспоминаниях он остается тем маленьким, худеньким мальчиком, который в школе не мог никого поднять. До выпускного класса он был меньше меня ростом, а потом за год вырос на 20 сантиметров и стал настоящим красавцем... Я не знаю истинной причины его смерти и не люблю когда строят предположения на эту тему, но я считаю, что от всего, что ему там пришлось пережить, у него просто разорвалось сердце.

— Как написал Бродский в некрологе: «Я считаю, что он не прижился и умер от одиночества». Эпита, но давайте вернемся к тем счастливым годам, когда вы вместе с Сашей Годуновым из Риги попали в Москву, к Моисеву. Как это случилось?

— В 1966 году Игорь Моисеев, в прошлом классический танцовщик, солист балета Большого театра, поставивший на его сцене «При толстяка», «Спартак» и другие балеты, решил создать концертный ансамбль из молодых танцовщиков, обучающихся яркой индивидуальностью. И он послал тонцов по всему Союзу в хореографические училища. К нам в Ригу приехала Тухомидрова и предложила мне, Саше Годунову и Саше Марьянову поехать на просмотр в Москву. Меня смотрел сам

Игорь Александрович и сразу одобрил: у него был задуман один номер, и, видимо, я ему подошла. Мне повезло, потому что богатая с Касьяном Голеязовским — это было для меня невероятное открытие! Я всегда тяготела к современному направлению в хореографии, а в Риге тогда все было очень консервативно.

В Таллинн, к Мурдама

— В отличие от Эстонии, где уже начала ставить свои балеты Май Мурдама.

— Да, но с Май я познакомилась еще в Москве, где она ставила для «Молодого балета» ряд номеров. Там работал и Тийт Харм, и мы с ним вместе много танцевали. А когда он ушел из «Молодого балета», я осталась без партнера. Мне было 20 лет. И, между прочим, тогда я впервые попробовала себя в качестве репетитора — так что, видимо, это судьба. Хотя я еще потом 32 года танцевала — уже на сцене театра «Эстония».

— С «Молодым балетом» вы объездили чуть не полмира, работали с различными хореографами. И вдруг решили приехать в Таллинн. Почему? — «Молодой балет» был концертной организацией, у нас не было спектаклей, только хореографические номера, с которыми мы ездили на гастроли в страны Латинской Америки, Сингапур, Австралию, Новую Зеландию, Турцию, Иран, Чехословакию — кстаги, мы были первыми, кто после ввода советских войск в Прагу приехал туда с культурной миссией. Наряду с такими мэтрами, как Голеязовский, Мессерер, с нами работали и молодые в ту пору хореографы: Чернышев, Винноградов, Мурдама. Когда Тийт Харм в 1970 году вернулся в Эстонию, он пригласил меня посмотреть новый балет Май Мурдама «Иоанна Тентата». Мне очень понравился спектакль, и поскольку мы были знакомы и Май раньше на нас с Тийтом ставила отдельные номера, то зашел разговор, почему бы мне сюда не приехать. А в то время «Молодой балет» переживал период некоего застоя, и, хотя у меня в Москве была квартира, я решила приехать на годик: вдруг Май даст мне что-то станцевать. В принципе я пришла в кордебалет, мне только Май давала сольные партии... Однако, как видите, расстался у меня годик... (Улыбается.)

— Что вас привлекает в хореографии, что ближе — классика, неоклассика, модерн?

— Мне нравятся хорошие спектакли независимо от жанра — это может быть и модерн, и чистая классика, и неоклассика. Пример такого спектакля — «Мадонн» Макмиллана. В молодости мне нравилось то, что сама танцевала.. Я очень любила «Ромео и Юлию» Игоря Чернышева, чья хореография мне всегда была близка. Очень любила «Дафниса и Хлою»

Никто, да и я сама никогда не считала себя эталонном классической танцовщицы

Май Мурдама. Среди наиболее дорогих мне ролей — Иоанна Тентата, Баа в «Сотворении мира» — я была первой исполнительницей в этом балете Касаткиной и Васильева... Думаю, что никто, да и я сама никогда не считала себя эталонном классической танцовщицы. Но из классики очень долго танцевала и четырех лебедей (*сметиса*), и «Плетную престо-рожность»... Конечно, как можно не любить «Сильфиду», «Жизель»? Практиче-

ски все роли мне по-своему дороги, ведь в них столько всего вложено... Даже Клеопатра, которую я мало танцевала.

— А Антония танцевал Виктор Федорченко, которого я помню в паре с Кайте Кырб на конкурсе в Москве. Кстати, со своим мужем где вы познакомились?

— На гастролях. Наш семейный стаж — 32 года. Хотя танцевали в паре мало, зато теперь работаем вместе.

— Ваша дочка Юна не пошла по вашим стопам. Вы так решили или она сама?

— Юна выросла в театре, у нее очень хороший музыкальный слух. Она в три года танцевала с палкой и «Жизель», и «Дон Кихота», и даже «Антония и Клеопатру» — у нас есть видеозаписи. Когда мы уехали в Чехию, я ее отдала в балетную студию при театре. В ту пору ей было шесть лет, и она безумно любила выступать в концертах. А вот ежедневно трудиться, стоять у станка и тянуть ножку — это было выше ее сил. Балет — это рабский труд, причем изо дня в день. Это не ее. Хотя Юна очень артистична и преданно любит балет, смотрит все спектакли, знает всех танцоров... Юна окончила университет в Сорбонне и сейчас работает в Scandinavian Airlines System. Она владеет французским, английским, латышским, эстонским и русским языками.

— Дома о балете много говорите или стараетесь отключаться от работы?

— Ой, нет, это не про нас. К сожалению, разговоры на балетную тему продолжают дома. Ведь это наша жизнь. Может, это и плохо, когда все время балет — и когда учишься, и когда танцуешь, и когда преподаешь. Но это твой професия. А не каждому удается найти СВОЮ профессию, ставшую призванием. Надеюсь, мне удалось.